

АНАСТАСИЯ ЮДИНА

Дневник безумного алхимика

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Анастасия Юдина
Дневник безумного
алхимика. Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9367976
ISBN 978-5-4474-0712-4*

Аннотация

«...литературные миры являются абсолютно реальными и могут оказывать воздействие на тот мир, в котором вы проживаете. Фирма не несет ответственности за степень непредсказуемости подобных воздействий». (из инструкции по использованию «Набора для творчества»).

Так что будьте осторожны и вы, уважаемые читатели.

От автора: огромное спасибо прекрасному художнику Марии Фомальгаут за разрешение использовать ее рисунки в книге.

Содержание

Хрустальная башня	5
Дневник безумного алхимика	8
В семье не без урда	11
Бессмертный	14
Легенда о единороге	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Дневник безумного алхимика
Сборник рассказов
Анастасия Юдина

© Анастасия Юдина, 2015

© Позднякова Мария, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Хрустальная башня

– Вот и все, – сказал Мастер. – Больше я ничему не могу тебя научить. Все, что я знал – я передал тебе. Теперь ты – Маг и можешь сам творить волшебство и учить других... Есть, правда, одно, последнее испытание, но пройти его ты должен сам – без меня.

– Какое, Мастер?

– Для того, чтобы стать истинным Магом, ты должен построить свою башню: башню, в которую к тебе будут приходить люди за помощью, башню, в которую однажды к тебе придет твой единственный Ученик, башню, которая станет твоим домом на века и тысячелетия. Эта башня может быть такой, как ты захочешь – никаких правил не существует. Важно только одно: она должна быть только твоей – впитать твою силу, излучать твоё волшебство, влиять на мир вокруг тебя так же, как ты будешь влиять на мир вокруг нее. Она станет частью тебя, твоей жизни, твоей магии. И никто, даже я – твой Учитель – не знаю, какой она будет. Как не знаешь и ты, пока не завершишь ее. Может быть, тебе удастся построить ее за несколько лет, может быть – за несколько мгновений. Но, возможно, на сооружение ее у тебя уйдут века. Это все неважно. Иди, Маг, и построй свою башню.

Маг вышел из башни Учителя на рассвете, ясным морозным утром. Дорога сегодня вела в большой город, и Маг не стал с ней спорить. Почему бы и нет? Ведь в большом городе можно познакомиться со строителями, посмотреть на башни крепости и замков, подумать над тем, какой должна быть его собственная.

Пока он четко знал только одно: его башня будет не похожа на дом Учителя – приземистое каменное строение, поросшее мохом и плющом, возведенное на пологом склоне холма.

А вот каким должен стать его дом – Маг пока не знал. И решил об этом не думать: Мастер учил, что все самое важное придет в свое время, когда время это наступит. И ни на миг раньше.

Поэтому, войдя в город, Маг зашел в Гильдию, предъявил там свой диплом, узнал, что есть вакансия в Восточном квартале – месте обитания торговцев – и уже к вечеру снял пару комнат у симпатичной молодой вдовы, которая легко согласилась пустить его на жительство за пару-тройку заклинаний в месяц на удачу в торговле.

Шли годы. Они шли незаметно, легкими тенями проскальзывая за окном Мага теплыми летними ночами. Люди вокруг выросли, старели: одни лавчонки в Восточном квартале сменяли другие, за прилавки становились сыновья и внуки тех, кого Маг помнил еще детьми, но ничего не менялось.

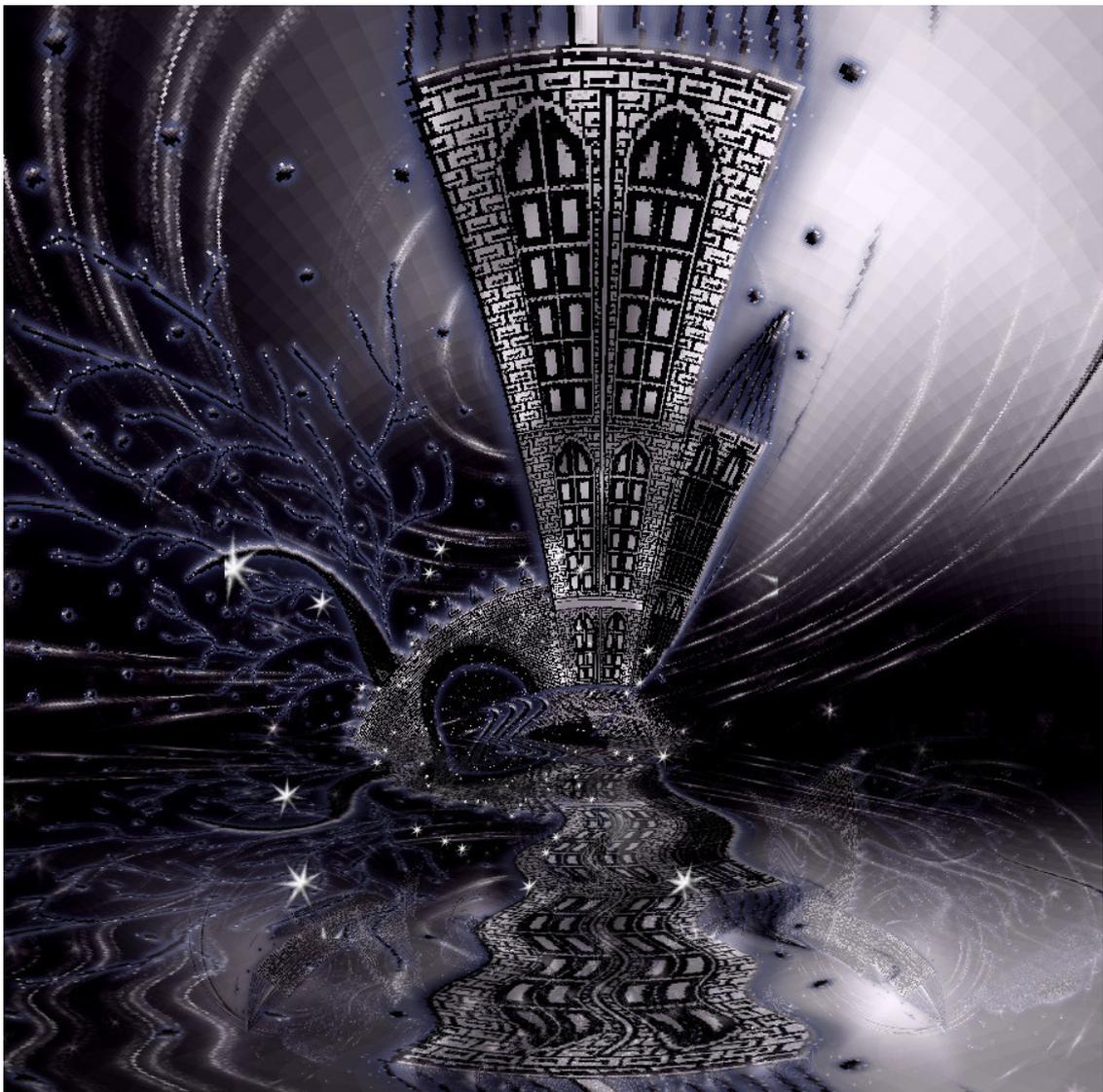
Это пришло к нему грозовой ночью, когда он сидел, переписывая старинные пергаменты и любуясь на сверкающие молнии за окном, разрезающие пополам Часовую башню – самую высокую в городе.

Маг увидел свою башню так ясно, словно она уже стояла – стояла на вершине холодной заснеженной горы – вся из сверкающего хрустала: тонкая, изгибающаяся под ветром, отражающая солнечный и лунный свет и дарящая его миру вокруг.

Теперь он знал, что делать...

На рассвете Маг купил у знакомого торговца хрустальный кристалл и волшебный шар из тех, которые становятся волшебными только в руках настоящего мага: игрушка, в которой под стеклом таится маленькая деревушка с уютными домиками и деревьями в садах. Если встряхнуть этот шар – на деревушку посыплется снег.

Потом он зашел в дом, собрал мешок с книгами, чашу для плетения заклинаний, магическое зеркало... оглянулся по сторонам. За столько прожитых в этом домике лет у него так и собралось никаких богатств, ничего, что важно или нужно было взять с собой.

Сегодня дорога вела его в далекие горы на востоке – именно там, он знал это точно, он и должен был возвести свою башню.

Говорят, что дорога до гор занимала около года, но Маг этого не заметил. Так же, как не заметил, сколько времени у него ушло на постройку простой бревенчатой хижины, в которой он мог бы жить, пока еще не была возведена его башня.

Но сначала нужно было кое-что сделать: глубокой ночью, в полнолуние, Маг вызволил деревенку из стеклянного шара – вызволил и переместил к подножию горы, позаботившись о том, чтобы у жителей была рядом и проточная вода, и земля для посевов, и деревья для садов. А внутрь шарика он поместил хрустальный кристалл – так, как сажают зерно в землю – окружив теплом и заботой, полив волшебным дождем и одарив радугой.

...Башня росла медленно – прошли годы, может быть, века, прежде чем она стала настолько большой, что Маг смог разбить стеклянный шар и пересадить хрупкое хрустальное сооружение в горную породу. Она могла не прижиться – но прижилась, и стала расти, становясь все светлее, выше, прозрачнее. Все больше тонких хрустальных нитей связывали ее с сердцем и душой Мага – но это было правильно: так и должно было быть. И он понимал это.

...Наконец наступил день, когда хрустальная башня последний раз качнулась под свежим осенним ветром и замерла. И тогда Маг понял, что теперь он может открыть дверь и войти. Потому что отныне у него есть дом: дом, в который к нему будут приходить люди за помощью, дом, в дверь которого однажды постучится Ученик, дом, который будет жить с ним и для него века и тысячелетия.

Маг поднялся на верхушку башни и посмотрел вокруг: на востоке и юге расстилались высокие заснеженные горы, на западе лежала деревушка, за прошедшие века ставшая сначала поселком, потом городком, потом – большим городом и столицей гордого королевства, потом – после нашествия врагов с севера, все предавших огню, снова маленькой деревушкой.

Но дело было не только в этом: что-то изменилось в окружающем мире, что-то более важное, чем статусы королевств и княжеств, чем технологии и достижения цивилизации.

Всю ночь провел Маг на башне, пытаясь понять – что произошло, услышать от земли, неба и звезд – что изменилось. А когда первый луч рассвета тронул розовым верхушку башни, к нему наконец-то пришло понимание: в том мире, который окружал его сейчас, никто не знал о магии, никто не верил в ее существование. А это значило, что никто и никогда не подойдет к его башне – просто потому, что не сможет ее увидеть.

Люди этого мира были слишком заняты повседневными заботами, зарабатыванием денег, непрекращающейся гонкой за богатством и властью. Им было некогда (то есть это они так полагали) просто остановиться и посмотреть на вершину горы, на которой стояла хрустальная башня – сверкающая, гордая и прекрасная.

Им были даны глаза, но они не умели видеть. И с этим Маг ничего поделать не мог.

Дневник безумного алхимика

Какое счастье, что мои почтенные родители были состоятельными людьми. Если бы не оставленные ими средства, да доходный дом, где снимают квартиры столь же почтенные и респектабельные люди, как мой папа-торговец и мама-белошвейка, – у меня не было бы возможности заниматься научными изысканиями.

Плохо только, что, несмотря на очень умеренную жизнь и скромные потребности, я уже потратил почти всё, что получил в наследство. Хвала Всевышнему – квартиранты платят аккуратно, так что пока денег хватает.

Но это не надолго.

Поддерживать в рабочем состоянии перегонные кубы, плавильные печи и иные, потребные в моем деле механизмы, приобретать драгоценные металлы и сверкающие самоцветы, выкупать у разорившихся бездельников-аристократов бесценные старинные манускрипты – удовольствие не из дешевых.

Да-да, я знаю: меня ждет та же участь, что и многих других алхимиков и ученых – полное разорение; необходимость продавать тщательно, по книжечке, по пергаменту, собранную библиотеку; видеть, как более молодой и богатый собрат раскручивает винты на перегонном кубе, чтобы унести его к себе домой. А потом – смерть от голода и жажды в подворотне или сточной канаве. Таких, как мы, не принимают даже в ночлежки для бездомных, даже в приюты для больных и немощных при монастырях.

Еще бы: ведь мы все поголовно продались дьяволу! Пытаемся постигнуть тайны природы, отыскать секрет производства золота из дешевых металлов. Или – еще того хуже – создать философский камень, дарующий мудрость обладателю своему. А мудрость может быть только от Бога, а не от человека – грязного червя, в грехе пребывающего.

Я же, как и многие мои коллеги, имею смелость верить в Господа, который подарил разум человеку для того, чтобы мог человек использовать его во благо: подниматься над землею на крыльях, опускаться в глубины морские, достигать далеких, неведомых островов, делать жизнь свою краше и богаче духовно, делиться с братьям по роду человеческому секретами здоровья и долголетия.

И если кто и продался дьяволу, так это они – жадные церковники, что готовы за деньги отпустить любые грехи, презирающие всякое знание и научные изыскания, ненавидящие тех, кто постиг больше, чем сказано в Священном Писании.

Верю я во всемогущество и всемилость Божию, но не верю во врага рода человеческого. Ибо истинный враг человека – он сам.

Странный посетитель был у меня вчера ночью. Поначалу я принял его за одного из тех разорившихся аристократов, что иногда заходят ко мне, пребывая в заблуждении касательно рода моих занятий. Думают они, что – как всякий алхимик – произвожу я золото, а, значит, могу помочь им найти средства для выкупа родового поместья, ушедшего с молотка за долги непотребным женщинам или шулерам в игорных домах.

Я уж совсем собирался сказать незваному гостю, что он ошибся: у меня нет золота. Да и не умею я делать его из меди и сурьмы.

Словно прочитав мои мысли, человек в черном (а был он одет в черное, словно тать ночной или тот, кого называют Князем Тьмы) поднял руку, призывая меня к молчанию, и произнес:

– Я не собираюсь ничего просить у тебя, мастер. Я пришел, чтобы подарить тебе нечто, давно тобой желанное и мечтаемое. Позволь же мне зайти.

И столь уверенно звучал его голос, голос человека, привыкшего отдавать приказы и повелевать, что я не нашелся ничего возразить и впустил гостя в дом.

Расположившись в кресле у погасшего камина, странный человек достал из-под плаща сверток немалого размера – почти как огромные тома Священного Писания, из которых читают священники во время службы. Помнится, я еще удивился: как подобная вещь могла уместиться в кармане. Но спросить не решился.

Незнакомец развернул обертку, и глазам моим предстала книга в простом черном переплете. Инкунабула была древней, очень древней: я понял это сразу, ведь в моих руках перебывало множество старинных книг и рукописей. Кожа местами до блеска вытерлась из-за касавшихся ее в давние времена рук; застежки покрыты пятнами ржавчины; страницы внутри кое-где сморщились, а в других местах – торчали неопрятными лоскутами пергамента, хлопчатой бумаги и иных, неизвестных мне материалов для письма. Когда же я раскрыл толстый том, кое-где залистанный до стершихся строк и дыр на страницах, то обнаружил, что книга написана на разных языках, многие из которых были мне неведомы даже по именам.

– Я знаю, мастер, – произнес гость, поглаживая переплет, – мечтой всей твоей жизни, посвященной постижению тайн природы и человеческой натуры, было написать Книгу. Такую, в которой были бы собраны все самые полезные для людей знания и умения, несущую добро и свет, раскрывающую секреты мироздания и истинной – доброй – природы человека. Ты хотел поведать людям о секретах лекарственных зелий; о науке, способной облегчить труд ремесленников и землепашцев; об учениях, помогающих, подобно медитациям во время молитвы, укрепить дух и разум; о полезных механизмах, способных заменить человека на самых тяжелых работах. Воистину, ты хотел создать Книгу всех книг. И цель твоя – велика и прекрасна.

– Откуда ты знаешь? – изумился я. – Никому никогда не рассказывал я об этом. Даже дневнику своему неверял самой заветной мечты.

Но гость, словно не услышав меня, продолжал:

– Эта Книга сейчас лежит перед тобой: в ней собраны величайшие знания всех народов этого и других миров, и всех времен – прошлых, настоящих и будущих. Каждый, к кому попадает она в руки, дописывает в ней то, что считает важным и полезным для тех, кто придет вслед за ним. Кто-то ограничивается несколькими строчками, а кто-то вкладывает в переплет целые трактаты. Потому-то, как видишь, и листы изготовлены из разного материала, и незнакомых тебе языков встречается многое множество.

Только те, кто был истинным ученым и исследователем, удостоиваются чести сделать запись на страницах этой Книги. Тыходишь в их число.

Бесчисленное количество вопросов столкнулось и вспыхнуло, подобно пламени горна, в моей голове. Казалось, от только что узнанного и увиденного (и, Господь свидетель, в этот момент я не спал и не бредил, а, значит, всё происходило наяву), мозг сейчас взорвется, как перегревшийся котел с зельем. Но я побоялся прервать странную речь странного гостя.

Он взглянул на меня и усмехнулся.

– Вижу, тебе многое хочется узнать. Так же, как и тем, у кого я побывал до и после тебя. Скажу тебе то же, что и им: сегодня – последняя ночь твоей жизни. Потому я и пришел к тебе и принес эту Книгу: чтобы ты смог записать для грядущих и прошлых поколений те знания, которые считаешь нужными и полезными. Поверь, труд не пропадет бесследно. Те, кому понадобятся твои исследования, всегда смогут обратиться к ним: в нужный момент я буду рядом.

Ты можешь не торопиться: спокойно обдумать то, что хочешь внести в Книгу, поработать над четкостью формулировок и описаний, перечитать старые заметки и выбрать самое важное. Ночь будет длиться столько, сколько тебе нужно.

Но когда она закончится, я приду за тобой. И за Книгой.

И вот сейчас я сижу за рабочим столом в лаборатории (нет-нет, не в привычном и уютном кабинете, а именно в лаборатории – столько лет бывшей сердцем и душой моих дел и исследований), а передо мною лежит Книга. Я знаю, что именно хочу записать в нее: столько лет обкатывал я в уме фразы, выверял эпитеты, выбирал самое важное при записи результатов научных изысканий, подыскивал или создавал формулы веществ и явлений. Мне нужно только переложить многолетние размышления на бумагу: это не займет много времени, потому-то я и позволил себе поговорить напоследок со старым другом – моим дневником.

Не дает мне покоя только один вопрос: кто был мой ночной гость? Понятно, что не ангел и не демон. Мне, как ученому, трудно представить, что порожденные волею Творца Всемогущего, эти существа спускаются на землю для решения проблем простых смертных. Господь создал этот мир и нас в нем. И, хотя наблюдает он за чадами своими с небес, но даровал он нам и свободу воли: чтобы могли мы жить по разумению своему.

Не верю я и в Смерть, посещающую нас, какой бы ни воображали ее простолюдины: черным всадником на черном коне или старухой с косой и песочными часами.

Полагаю я, что гость мой пришел из далекого будущего. Или с далекой звезды, обитатели которой достигли столь высокого уровня мудрости и гуманности, что готовы собирать по всей вселенной частицы разбросанных там и сям знаний, хранить их в Книге до урочного часа, когда понадобятся они кому-то – неважно, сколь далеко обитающему от той звезды.

Не знаю, верна ли моя догадка, но настало время закончить мой дневник и обратиться к Книге. Ибо не хочу утруждать тех, кому дана власть над пространством и временем: они подарили мне ночь для трудов, а не для праздных размышлений.

И да благословит их Господь Всемогущий за этот бесценный дар. Как и я – Иереней Филарет – благодарю и благословляю.

В семье не без уroda

Трактир был, как всегда перед полнолунием, полон. Тролли, гномы, люди, даже никого и ничего не боящиеся огры – все, кого служебные или личные дела застали в пути, предпочитали переночевать здесь, в единственном кабаке на перекрестке трех дорог, из которых одна проходила мимо поселка оборотней, другая – через деревню вампиров, а третья – вдоль старого кладбища, где водились упыри и зомби.

Рисковать не хотелось никому. Поэтому в такие дни, если ты не успел найти комнату, свободную койку, или, на крайний случай, местечко на сеновале, – огромный зал с закопченным потолком, освещаемый сальными огарками и пламенем камина, был забит теми, кому надо было переждать до утра.

Зато уж в ночь пиво и самогон лились реками, а на выручку от целиком зажаренных и съеденных телочек, овец и молодых поросят (не считая прочей более мелкой домашней скотины и птицы) можно было безбедно прожить пару месяцев.

В силу всего вышеизложенного, Тар слегка удивился, обнаружив почти свободный столик, за которым сидел один-одинешенек молодой парень: высокий, симпатичный, с волосами соломенного цвета и ясными синими глазами. На прокаженного он не был похож (да хозяин трактира и не пустил бы к себе прокаженного), так что бывалый торговец решил, что это – какой-нибудь принц или богатенький сыночек из столицы, путешествующий инкогнито. У таких всегда полно денег, чтобы выкупить себе не только отдельный стол, но и весь трактир целиком – хоть на одну ночь, хоть на год.

Но, поскольку других свободных мест в зале не было вообще, Тар решил рискнуть и, подойдя, вежливо осведомился, можно ли присесть.

– Да, пожалуйста, садитесь, уважаемый. Только, вы, кажется, не местный?

– Нет, проездом по торговым делам.

– Так вы бы наших поспрошали. Они вам расскажут, почему я всегда один. Может быть, вы не захотите со мной рядом сидеть.

– А сам не скажешь?

– Могу и сказать, – парень безразлично пожал плечами. – Я уже привык. Я – проклятый.

– Нууу, сынок, проклятие сейчас тебе за десяток золотых монет любой маг снимет. Да и не похож ты на проклятого, уж извини. Видал я их.

– Мое проклятие особое. Снять его нельзя – оно пожизненное.

– Да мне-то что. Ты ж не заразный, сынок. Да и я не суеверный. И нечего в одиночку скучать. Давай вот пива лучше выпьем: знатное в этом году пиво у нашего хозяина.

– Как хотите. Мое дело – предупредить. А пива я с удовольствием выпью. Только платить будем по очереди: ночь впереди длинная.

– Договорились. Тебя как зовут-то?

– Даки.

– Похоже на оборотнее имя. Ты сам-то откуда будешь?

– Оттуда и буду.

– И как же ты – человек, с оборотнями живешь?

– А я не человек. Я – оборотень. Только проклятый.

– Первый раз про такое слышу. Вы ж – нечисть, ты уж прости, сынок. К вам проклятия не пристают. Может, расскажешь, как с тобой такая беда приключилась?

– Это долгая история.

– А нам спешить некуда... Эй, красотка, и нам с парнем еще пару пива, уж будь так любезна.

– Я родился в тот год, когда сумасшедший светлый маг объявил личный крестовый поход против всех видов нечисти и пошел по нашим деревням и городам с толпой приверженцев, чтобы уничтожить вампиров, оборотней, упырей и прочих «мерзких порождений тьмы, оскверняющих своим присутствием лик земли». Это история известная, думаю, вы ее слышали: Коллегиум Магов и Волшебников его довольно быстро обезвредил, лишил магической силы, а тех, кто бы с ним – передали светским властям для наказания. Но он успел наслать им лично разработанное проклятие на многие поселения. Нашей деревне тоже досталось: не только дети, но и взрослые оборотни умирали от неведомых болезней. А из всех родившихся в тот год малышей выжил только я.

Когда я был маленьким, другие дети смеялись надо мной, и никто не хотел дружить: ну где это видано, чтобы оборотень был светловолосым и синеглазым? Они, конечно, знали, что мое внешнее уродство – результат проклятия, наложенного магом. Но малыши частенько бывают жестоки: они говорят то, что думают, не понимая, что их правдивость причиняет боль.

Поэтому я старался меньше играть со сверстниками, часто оставался один. Но и так было не лучше: меня стали считать не только уродом, но и дурачком. И все равно смеялись.

Всю жизнь, с тех пор, как стал осознавать мир вокруг и свое «я», я чувствовал себя изгоем, хотя вслух этого никто не говорил: меня просто сторонились.

Но самое страшное случилось в день моего совершеннолетия. Я очень волновался: все-таки впервые предстать перед всей стаей, доказать, что ты – один из них, истинный оборотень, – мне было труднее, чем остальным; сказывались предшествующие одинокие годы, неуверенность в себе. Думаю, вы меня понимаете. Но я очень надеялся, что мне это удастся.

И вот в полночь вся стая в обличье волков собралась на нашей священной поляне. Я стоял в центре круга, на высоком камне восседали Старейшины, и Верховный Жрец читал ритуальное заклинание. Я чувствовал, как мое тело покрывается шерстью, как удлиняются клыки, меняется форма конечностей. Это было такое странное, удивительное чувство. И вот, наконец, я превратился в волка целиком.

И радостно завыл на Луну.

В тот миг все вокруг были счастливы вместе со мной. Старейшины со жрецами, и обычные поселяне, а больше всех – мои родители: ведь никто не знал, как проявит себя наложенное сто четырнадцать лет назад проклятие.

Это была незабываемая ночь: до рассвета я с другими волками носился по лесам и полянам, наслаждаясь новыми ощущениями. Играл с молодыми волчицами. И никто больше не считал меня ненормальным уродцем. Стая приняла меня!

Но наступил рассвет, все остальные обернулись людьми. А я так и остался волком.

До следующего полнолуния.

С тех пор я могу принимать человеческий облик только на одну ночь – именно тогда, когда все мои родные и близкие становятся волками. И мне нет места ни среди них, ни среди людей, которые тоже боятся и сторонятся меня.

Я – урод в обоих мирах. И, что самое ужасное, бессмертный, ибо унаследовал это от своих предков.

Тар снова оказался на перекрестке трех дорог спустя несколько месяцев. День был обычный, всего лишь десятый в этом лунном месяце, так что и народу в трактире было немного.

Торговец уселся в полупустом зале, заказал еду, а когда хозяин принес традиционную послеобеденную кружку пива, поинтересовался, как поживает Даки.

Как ни странно, за прошедшее время Тар частенько вспоминал проклятого оборотня, хоть и не отличался особой сентиментальностью.

– Ну ты нашел, о ком спрашивать! На кой тебе сдался этот нелюдь, да еще и уродец? – в голосе трактирщика не было ни малейшего намека на сочувствие жертве проклятия.

– Да так, – слегка смутился торговец. – Просто любопытствую. Мы ж тогда с ним всю ночь проболтали. И пива немало вместе выпили.

Хозяин пожал плечами: дескать, у каждого свои придурки. Но придурь любого гостя – закон для трактирщика, поэтому на вопрос все-таки ответил.

– Да тут неделю-другую назад проезжал со свитой Старший Маг Королевства. Собирался на какую-то конференцию. Не знаю, что там этот идиот Даки наплел в секретариате Его Колдовского Высочества, но аудиенцию ему назначили.

И представь себе, Маг с ним наедине беседовал целых два часа. А потом позвал нас всех: и личную стражу, и свиту, и гостей, и меня, грешного, и говорит: «Даки так просил меня о помощи, что я не мог ему отказать. Но единственное, что я могу для него сделать – это окончить его существование в этом мире. На большее не хватит ни моих знаний, ни умений всего Коллегиума Магов и Волшебников. И я хочу, чтобы вы все были свидетелями происшедшего, и знали, что все совершаемое ныне и здесь творится с полного согласия оборотня».

А потом поднял свой магический посох, произнес заклинание призывания стихий и поразил парня молнией.

И ты знаешь, что этот чокнутый уродец сказал, прежде чем умереть? Вот уж воистину – ненормальный!

Он сказал: «Спасибо».

Бессмертный

Шварк-шварк, шварк-шварк...

Кто-то шаркающей походкой пробирается по темным кривым улочкам. Мимо закрытых ставень, мимо погасших окон, мимо узких высоких дверей.

Ворчат жители:

– Опять этот уродец на улицу выбрался!

– Ни одной ночи от него покоя нет!

– Хоть бы кто его прикончил, что ли! Только как, если он бессмертен?

Шварк-шварк, шварк-шварк...

Тяжело нести большое, грузное тело, тяжело слышать ругань простых обывателей. Так хочется тишины и покоя. Только нет ему покоя. И никогда не будет.

Шварк-шварк, шварк-шварк...

Привычным маршрутом: вдоль берега Влтавы, мимо памятника Моисею, к Староновой синагоге. Там постоять немножко, посмотреть на витражные окна, повспоминать...

...Сегодня здесь свадьба: невеста в строгом наряде, с закрытым лицом, жених в черном. Гости с лицами, приличествующими моменту. Синагога озарена сиянием семисвечников – расставленных на столах, развешанных по стенам. И самый большой (он сам помогал зажигать свечи) – на витых цепях под потолком.

Слабый голос хозяина:

– Ты можешь постоять там, в уголке. Тебя никто не увидит.

Он молча кивает: посмотреть человеческие обряды всегда любопытно. Главное, не выходить на свет, а то все гости в ужасе разбегутся из храма, а кто-нибудь обязательно упадет в обморок.

И тогда к хозяину вечером придут сердитые старейшины с длинными седыми бородами, в черных шляпах. Они будут стоять на пороге, строго качать головами, всплескивать руками:

– Ну как же так, рабби Лёв! Ваше чудовище опять напугало мирных жителей... Конечно-конечно, мы знаем, что с его появлением улицы наши стали безопасны. Нет больше грабителей, обижающих поздних одиноких путников. Сокровища храма ныне под надежной защитой. И даже императорские стражники стараются не заходить в наш квартал после того, как стемнеет. Да-да, мы все знаем, сколько он сделал хорошего для гетто. Но его вид...

И, уже уходя, извиняющимся тоном:

– Вы уж присматривайте за ним, рабби! Следите, чтобы он не попадался на глаза людям.

– Не верь им, – шепчет хозяин, когда они остаются вдвоем в маленьком домике при синагоге. – Ты не чудовище! Ты просто отличаешься от остальных. И не огорчайся так – люди всегда с подозрением относятся к тем, кто не похож на них. Даже если ты делаешь для них добро.

Он кивает, соглашаясь. Хозяину не нужно знать, как ему больно и пусто – там, в глубине глиняного тела, где у людей сердце.

Почему он не такой, как все? Почему все боятся его вида? Даже девушки, которых он спасает от задиристых католических стражников, даже старушки, которых он оберегает от ночных татей – увидев его, сразу бросаются бежать. Или падают в обморок. И тогда приходится идти темными улочками, искать кого-нибудь из людей и чуть ли не насильно тащить на помощь потерявшей сознание жертве. Потому что он сам не знает, как привести ее в чувство, как спросить адрес. И, уж конечно, он не сможет сам проводить женщину до дома.

Рабби Лёв стал уже совсем стареньким, но никогда не забывал вытащить магическую записку изо рта своего любимого творения, чтобы днем оно могло отдохнуть. Это только люди думают, что чудовищу-хранителю квартала не нужен отдых – рабби Лёв знал, что это не так. Да и незачем этому существу бродить днем по улицам.

Но однажды, перед самым рассветом (и это был самый темный рассвет за долгие века существования), когда на небе уже гасли звезды, рабби Лёв, встав на глиняную табуретку, потянулся было к послушно открытому рту чудовища, но неожиданно покачнулся, схватился за сердце и упал.

А безмолвный страж долго еще стоял над неподвижным телом хозяина и расколовшейся табуреткой. Долго-долго.

Сначала он ждал, что рабби встанет, но когда первые посетители уже начали шуметь перед закрытыми дверями синагоги, а учитель Йегуда Лёв бен Бецалель так и не поднялся с пола... тогда чудовище закричало. Впервые за долгие годы.

Это был крик боли и отчаяния, призыв о помощи. Но был он так страшен, что люди разбежались и попрятались в домах, накрепко закрыв двери и окна.

И только вечером рискнули вернуться, чтобы обнаружить на полу синагоги тело мертвого рабби.

Творение же никто больше никогда не видел. Думали даже, что и оно умерло, когда растворилась с течением времени сила магии, поддерживавшая жизнь в глиняном теле. А кто-то решил, что глиняные осколки на полу – это и есть тело чудовища, погибшего одновременно с хозяином.

Куски глины выставили в синагоге, чтобы все могли смотреть, восхищаться мастерством почившего учителя и ужасаться мощи волшебства, вдохнувшей жизнь в кусок земли.

Прошло несколько недель, а, может быть, месяцев, и жители еврейского гетто снова стали слышать по ночам тяжелые шаги.

Шварк-шварк, шварк-шварк...

Где бы ни пряталось чудовище днем, ночью оно по-прежнему выходило на охрану квартала. Привычным путем: вдоль берега реки Влтавы, по темным улочкам к Староновой синагоге. Постоять возле закрытых дверей и повернуть обратно.

Маршрут жутковатого стража жители выучили наизуток: проследить путь было несложно, утром его было четко видно по маленьким кусочкам глины, осыпавшимся с могучего тела.

Обитатели квартала надеялись, что со временем существо все-таки окончательно рассыплется в прах, но шли годы, века, а ему ничего не делалось. Все так же выходило оно на свою ночную работу, все так же оставляло глиняные следы за собой. Но, видимо, слишком сильным было волшебство и поистине велико умение покойного рабби Лёва: чудовище оказалось бессмертным.

Шварк-шварк, шварк-шварк...

...Туристы... вот они-то единственные, кто не боится его... Конечно, поначалу тоже замирают в ужасе, а потом хватаются за фотоаппараты, телефоны, чтобы быстренько сделать фотку. Кто-то даже пытается обнять его, чтобы запечатлеться на память вместе.

Но ему нет дела до туристов, ему нужно идти дальше.

Шварк-шварк, шварк-шварк...

– Хорошо, хоть днем не вылезает из своей норы, уродец проклятый!

– А ночью, думаешь, лучше? Детей своим топотом пугает! Никакого покоя от него нет!

...Шварк-шварк, шварк-шварк...

Покой. Это волшебное слово – П-О-К-О-Й.

Как же он устал...

Столько веков бродить по городу, слышать ругань вполголоса из-за закрытых ставень, пугать редких прохожих. А больше всего он устал стоять перед вечно закрытыми дверями

синагоги и ждать, когда они, наконец, откроются. И на пороге будет стоять старенький рабби Лёв – его любимый, всепонимающий хозяин.

И рабби пригласит его внутрь, встанет на глиняную табуреточку... а если учителю тяжело будет это сделать, то верный слуга сам наклонится, чтобы хозяину было легче стереть одну букву, написанную на глиняном лбу. Только одну. И тогда наступит покой. И та темнота и тишина, которые (он точно это знает) окружают учителя уже много веков в темной, сырой могиле, больше не будут разделять их. Потому что они будут вместе.

Существо знает: никогда и никому еще не удавалось преодолеть границу, за которую ушел почтенный рабби. А значит, никогда ему и не вернуться. И им с хозяином не суждено встретиться: ни по ту сторону границы, ни по эту.

Чудеса не возможны – это творение знает точно. Ибо так говорил хозяин, а он не мог ошибаться.

Шварк-шварк, шварк-шварк...

Легенда о единороге

«И дано будет каждому по вере его».

Свадьба Беллы и Роланда была скромной: позвали только родственников и близких друзей. Оно и понятно: хоть отец жениха и считался в гильдии преуспевающим купцом, а семья – зажиточной, много денег ушло на обучение единственного сына в Парижском университете, на факультетах богословия и естественных наук. Зато теперь не только родители, но и все торговцы города могли гордиться тем, что Роланд стал первым из купеческого сословия, получившим звание магистра.

– Теперь богословом станет, Священное Писание толковать примется. А напишет какой трактат высокоумный – так ему прямая дорога в Рим, в канцелярию Его Святейшества.

– А невеста-то хороша! Только что ж Бено сына на дочке лавочника женил? Магистру познатнее супруга полагается.

– Да они ж с детства помолвлены. Малышами еще были, а в церкви всегда рядышком стояли, за ручки держались. Красивая пара: дай Бог им счастья, любви и детишек здоровеньких.

– А зачем Роланду еще и естественным наукам понадобилось обучаться, ежели он в богословы метит? Говорят, науки эти – от нечистого, а ученые эти – которые козявок да птичек невинных препарируют – супротив Библии выступают.

– А еще говорят, что и алхимией они занимаются, и демонов вызывают, в Соломоновой пентаграмме в полнолуние стоячи!

– Соседушки, разве можно о таком на свадебном торжестве! Думаю, враки всё это: про ученых, что нечистому продались да на человеках опыты проводят. Разве Бено сыну позволил бы таким вещам обучаться? Я вот слышала, что науки эти естественные Роланду понадобилось знать, чтобы диспуты ученые вести. Знаете, как это в Париже делается: выходят ученые супротив богословов и спорят на какую-нибудь тему из Священного Писания. А чтобы спорить, надобно ж предмет спора с обеих сторон изучить. И противника своего тоже знать надобно.

– Это ты правду говоришь, Матильда! Ну что – за молодых! Дай Господь им всяческой удачи!

...Так, или примерно так судачили гости за жареным кабанчиком с каштанами и грецкими орехами да заливным из рыбы с морковкой и травами ароматными, под вина красные да белые из местного прославленного винограда.

Но нам, правдивым летописцам, сплетни сии интересны мало, потому что речь в нашей хронике пойдет о молодом ученом и богослове, что сидит сейчас во главе стола рядом с очаровательной невестой, улыбаясь гостям и благодаря их за то, что почтили свадьбу своим присутствием.

Поздно вечером, когда разошлись подвыпившие и шумные гости, Белла и Роланд остались одни в своей маленькой уютной спальне, так же, как и весь дом, сиявшей чистотой и новизной – как и все жилища молодоженов.

Молодая жена уже собралась было пойти в будуар, чтобы переодеться в ночные одежды – прозрачные и соблазнительные. Ей так хотелось, чтобы первая брачная ночь – столь долгожданная – прошла самым наилучшим образом, и стала волшебным началом их новой жизни. Так, как рассказывала подружка, месяца два назад вышедшая замуж, а совсем не так, как вешал строгий священник на исповеди перед свадьбой.

– Подожди, любовь моя, не уходи, – остановил Беллу Роланд. – Прежде чем начнется наша совместная жизнь, о которой, поверь мне, я мечтал столь же страстно, как и ты, я хочу поговорить с тобой о том, какой именно она будет.

И мужчина, взяв жену за руку, усадил ее на кровать.

– А разве есть в этом сомнения, дорогой? Я верю, что наша жизнь будет счастливой, полной любви. Мы проживем ее вместе, вырастим детишек, увидим внуков, состаримся рядышком, и я надеюсь, что Господь будет столь милостив, что подарит смерть нам в час единый.

– Если ты захочешь, любимая, наша жизнь будет именно такой. Но есть у меня мечта, которой я поделюсь с тобой, потому что не должно быть у любящих супругов тайн друг от друга. Когда много лет назад безусым школяром прибыл я в Париж, то накинулся на учебу и открывшиеся мне богатства библиотек, как одержимый. Конечно, не буду лгать тебе, были в нашей жизни и студенческие попойки, и драки с местными парнями за красоток парижских, но большую часть моей жизни занимали книги. В них искал я утешения, истины и вдохновения для дальнейших трудов. И много читал я – купеческий сынов, дальше родного города не бывавший – о дальних странах и путешествиях. О многих чудесах, прекрасных городах и волшебных замках узнал я. И о диковинных существах, в неведомых странах обитающих. Но больше всего был я потрясен, когда узнал, что единорог, коего почитаем мы за символ Христа, невинно распятого, существует на самом деле. И обитает он в странах, где жители черны, как эбеновое дерево, и украшают они себя ожерельями из золота и изумрудов и топазов, и стоит там жара, как в печи кузнечной, и потому жители эти ходят почти нагишом, только срам повязками из травы прикрывая. Но, как говорят ученые умы, единорог тот не бел и прекрасен видом, а страшен и дик. Толсты, как колонны, лапы его, жестка и черна шкура, и, хотя имеет он единый рог посреди лба, но использует его для прободания того, кто приблизится к нему. Ибо зол этот зверь и опасен. И, как ученый, не могу я не верить словам моих учителей. Но, с другой стороны, почтенные отцы церкви утверждают – и нет оснований сомневаться в этом – что единорог бел и нежен обликом. И только невинная дева может поймать единорога: должна она сесть на поляне в лесу, где водится сей зверь, и придет он, и преклонит главу на ее лоно. Вот, когда прочитал я все эти противоречивые свидетельства, поселилась в душе моей мечта – мечта ученого и богослова – добраться до тех далеких стран и увидеть единорога живьем. И узнать, каков же он на самом деле. Но ныне я – женатый человек, – тут Роланд взял Беллу за руку и нежно поцеловал, – и если хочу отправиться в такой дальний поход, то только с твоего согласия.

– Дорогой, если есть у тебя мечта, ты должен все силы положить на то, чтобы осуществить ее. И не мне отговаривать тебя от этого пути, как бы долог и опасен он ни был. Я буду скучать по тебе, и лить слезы, сидя у окошка, но я не буду удерживать тебя от того, к чему стремится твое сердце.

– Спасибо тебе, любимая! Я знал, что ты поймешь и поддержишь меня.

– Но скажи мне, положим, ты найдешь этого зверя и увидишь, что он не таков, как говорят ученые, а таков, как говорят богословы. Прости, Роланд, я не училась в Париже, поэтому слова отцов церкви вызывают у меня более доверия, чем авторитет твоих учителей с факультета естественных наук. Так вот, подумай: как же призовешь ты единорога, если подобен он обликом белой лошадке с рогом посреди лба. Где в диком лесу, среди диких племен найдешь ты девственницу, чтобы приманила дивного зверя?

– Мне, дорогая, слова моих учителей кажутся более верными, но, как ученый, не могу я исключить и описанную тобой вероятность. И спасибо тебе, что указала мне на оплошность. Действительно, говорят, что обитающие в жарком краю люди живут без всяких понятий о морали и невинности, потому и возлегают до брака с кузинами, тетями или женами отцов своих. Верно, не найдется у них невинной девы. Значит, не стоит и затевать весь этот поход.

Видя любимого супруга в печали, Белла задумалась. А потом сказала:

– Если не прикоснешься ты ко мне этой ночью – а знаю я, нет у тебя сомнений в моей невинности, – смогу я отправиться с тобой в те далекие страны. Уверена, вместе мы отыщем единорога. Если окажется он страшен и дик, ты защитишь меня, ибо ты мужчина. Если же будет этот зверь прекрасен и мил, я помогу тебе поймать его.

– Нет-нет, любимая! Путь в эти страны труден и опасен. Я не могу взять тебя – мою самую величайшую драгоценность – с собой в такое далекое путешествие. И не хочу лишать тебя радостей благословенной любви. И, кто знает, если мы проведем эту ночь вместе, может быть, Господь дарует тебе дитя, которое будет утешением твоим до моего возвращения.

Белла только головой покачала: она не была ученой, как Роланд, потому больше верила в сердце своем, что единорог – волшебный зверь и именно такой, как говорится в толкованиях к Священному Писанию. Потому долго спорила молодая жена с супругом и к рассвету ей удалось убедить его, что в такое путешествие надо отправляться вместе.

Воздержание по отношению к давно желанной и любимой подруге не смущало Роланда, привычного к аскетическим годам учебы. Больше беспокоилось сердце его о том, что в столь опасном путешествии могут встретиться им трудности, которых Белла не выдержит. Но любимая уверила мужа, что рядом с ним способна выдержать она всё и даже более.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.